

№ 8

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода 3 » 50 »

На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Среди природы и людей. С. Лав-
 рентьевой. — II. Въ полѣ. (Стих.). Н. Пановъ. —
 III. Маленькій рудокопъ. — IV. Каменный уголь.
 Д. С—ъ.

СРЕДИ ПРИРОДЫ И
ЛЮДЕЙ.

II.

БІАРИЦЪ.

КОГДА пришелъ я утромъ на берегъ океана въ часъ от-
 лива, то ахнулъ отъ восторга! Тамъ, гдѣ вчера вечеромъ
 кипѣли шумныя волны, слался твердый, мокрый пе-
 сокъ, а на немъ причудливыми стѣнами и уступами возвыша-
 лись тѣ скалы, что высились вчера далеко изъ воды. Я ходилъ

межъ нихъ по дну океана, съ тихимъ говоромъ уходившаго отъ берега. Кругомъ меня, на мокромъ пескѣ, и на обнаженныхъ скалахъ, покрытыхъ ярко-зелеными, желтыми, красными водяными растеніями, копошилась животная жизнь, вдыхавшая свѣжій береговой воздухъ. Вотъ нѣжятся на мокромъ пескѣ красивыя морскія звѣзды, точно звѣзды въ пять и болѣе лучей, болѣе или менѣе тупыхъ или острыхъ, покрытыя ярко-желтой или красной кожицей усаженной мелкими шипами. На нижней сторонѣ этой чудной звѣзды, находится посрединѣ ротъ животного, а вдоль лучей идутъ, будто мелкая бахромка, сосательныя ножки, которыми животное хотя медленно, но свободно движется, перемѣняя мѣста или охотясь за добычей. Я уже говорилъ вамъ, какъ онѣ любятъ лакомиться устрицами, почему рыбаки считаютъ ихъ врагами и поймавъ убиваютъ, а не бросаютъ опять въ море. Но какъ умертвить? Морская звѣзда такъ живуча, что если вы отрубите ея лучи, они снова выростутъ; она сама, нерѣдко спасаясь отъ животного готоваго ее проглотить, отдѣляетъ отъ своего тѣла всѣ лучи, бросаетъ ихъ ему на жертву, а сама удаляется съ полной надеждой, что изъ срединной спасенной части тѣла снова выростутъ лучи. Одно средство умертвить ее, это бросить въ прѣсную воду, въ ней она тотчасъ умираетъ, какъ и всѣ морскія животныя.

Дальше смотрю, тихо-тихо двигается какая то смѣшная кубышка, сплошь унизанная темными иглами: это морской ежъ несетъ на себѣ свой известковый домикъ, формы немного сплюснутаго шара. Мнѣ случилось потомъ видѣть этотъ домикъ, освобожденный отъ иглъ, и я любовался его стѣнками изъ правильныхъ рядовъ мелкихъ пластинокъ самой тонкой мозаичной работы. Морской ежъ скромное животное, онъ питается больше водорослями. Въ Средиземномъ морѣ его ловятъ ради его икры, очень пріятнаго вкуса, которую употребляютъ въ пищу. Вотъ копошатся, подъ выступомъ скалы, темные, толстые черви, съ раковистыми отростками на одномъ концѣ. Цѣлыя семьи ра-

кушекъ облѣпили камни своими разноцвѣтными домиками и тихо двигаются, тоже втягивая въ себя свѣжій воздухъ.

Смотрю, торчитъ на камнѣ какой-то неуклюжій, толстый стволикъ. Вдругъ, на верху его показалась красная, будто синелевая, бахромка; вотъ и другая высунулась изъ середины, а тамъ,—какъ по волшебству,—вся верхушка неуклюжаго стволика окружилась, какъ вѣнчикомъ цвѣточнымъ, пышнымъ малиновымъ уборомъ, а бахромка этого убора двигалась по сторонамъ, какъ бы ища чего-то. А вонъ и другой такой же мудреный живой цвѣтокъ, съ тупыми бѣломолочными лепестками, вонъ оранжевый, лиловатый,—цѣлый цвѣтникъ этихъ красотъ морскаго дна называемыхъ актиніями или анемонами, этихъ животно-растеній, имѣющихъ видъ цвѣтка, лепестки котораго служатъ ему руками или щупальцами, ими онъ свободно можетъ хватать пищу и втягивать въ ротъ, находящійся среди вѣнчика. Морскіе анемоны принадлежатъ къ классу полиповъ. Присосавшись ножкой къ одному каменистому уступчику, они стоятъ спокойно выжидая пищи; если же имъ придетъ охота постраниковать, то могутъ перемѣнить мѣсто, медленно, почти незамѣтно скользя впередъ на своемъ стеблѣ, или отдаваясь на произволъ волнъ, употребляя свои щупальцы, какъ ноги. Живучесть ихъ невѣроятна. Ихъ можно бросить въ горячую воду; заморозить и снова оттаять, — они живы. Отрѣжьте имъ всѣ щупальцы—вмѣсто ихъ вырастутъ другія; перерѣжьте животное пополамъ, оно продолжаетъ жить. Но бросьте въ прѣсную воду — умретъ мгновенно. Актиніи очень хорошо уживаются въ акваріумахъ, конечно наполненныхъ морской водой. Въ акваріумѣ одного ученаго наблюдателя, одна актинія прожила шесть лѣтъ и вывела 276 дѣтенышей, изъ которыхъ двое оставшихся въ живыхъ прожили тамъ пять лѣтъ.

Веселый взрывъ дѣтскаго хохота отвлекъ меня отъ актиній, которыми я любовался. Группа дѣтей въ купальныхъ костюмахъ, т. е. короткихъ панталонахъ и короткой

рубашкѣ подпоясанной кушачкомъ, въ большихъ шляпахъ изъ грубой соломы и полотняныхъ бапи́макахъ на подошвѣ сплетенной изъ толстыхъ веревокъ, съ сачками и баночками, отправлялась на охоту за морскими животными и растеніями, бодро шагая по морскому песку и смѣло перепрыгивая по камнямъ, съ которыхъ еще бѣжали тонкія струйки воды. Я послѣдовалъ за ними. Особенно ихъ вниманіе привлекали крошечные бассейны между скалъ, изъ которыхъ еще не успѣла уйти вода, съ граціозно-плававшими въ ней медузами и кургузенькими краббами, которые, выскочивъ изъ воды, бочкомъ быстро скользили по камнямъ, скрываясь въ ихъ расщелинахъ...

— А что это такое краббы? спросилъ Володя.

— Краббъ,—это крупный морской ракъ, безъ хвоста, голова котораго не отдѣляется отъ туловища, и все тѣло скорѣе имѣетъ видъ большой головы, съ выпущенными и далеко другъ отъ друга разставленными глазами. Двигается онъ задомъ и бокомъ, поэтому вода, необходимая ему для дыханія, проходитъ сквозь его жабры не спереди, какъ у рыбъ, а сзади. Величина краббовъ различная. Въ европейскихъ моряхъ они достигаютъ вѣса въ шесть и семь фунтовъ; а въ тропическихъ доходятъ до громадныхъ размѣровъ. Самые же маленькіе бываютъ величиной съ горошину; цвѣтомъ различныхъ оттѣнковъ, отъ свѣтло-красноватаго до темно-коричневаго съ черепаховыми рисунками. Мясо большихъ краббовъ жирно и вкусно, хотя не такъ нѣжно какъ мясо рѣчнаго рака. Клешни у него широкія и плоскія. Если одна изъ клешней ранена, или повреждена бурей, краббъ отрываетъ ее отъ себя, не ощущая боли, и прыгаетъ на остальныхъ. Спустя нѣкоторое время, вырастаетъ новая клешня, но никогда не достигаетъ величины прежней. Краббы очень смѣлы въ борьбѣ. Не разъ случалось видѣть, какъ краббъ, котораго хотѣли поймать, становился на заднія лапы и щелкалъ, обороняясь клешнями.

— Вотъ-то молодецъ! подхватилъ съ восторгомъ Юрій.

— А посмотрѣли бы вы что дальше-то я видѣлъ! проговорилъ, смѣясь, отецъ.

— А что? что? вскрикнули всѣ дѣти.

— Долго я бродилъ въ дѣтской компаніи, межъ скалъ, набирая и помогая имъ набирать всякой всячины: и животныхъ, и растеній, которыхъ они опускали въ банки съ морской водой. Не мало было у насъ возни съ одностворчатыми ракушками, которыя тихо двигались своимъ слизистымъ тѣльцемъ по камнямъ, прикрываясь домикомъ раковины, и такъ крѣпко присасывались къ камню, что трудно было ихъ отдѣлать. Хватали мы и смѣшныхъ морскихъ кузнечиковъ, прыгавшихъ по мокрому песку, не было пощады и хитрому раку-пустыннику, который, имѣя мягкое не защищенное скорлупкой тѣлце, выбираетъ для защиты себя раковину какойнибудь улитки, залѣзаетъ туда и выставя изъ верхняго отверстія только голову и клешни, которыми хватаетъ пищу, отбивается отъ непріятеля, странствуя такимъ образомъ со своей скорлупкой и мѣняя ее на болѣе просторную, если она ему станетъ узка. Притомъ надобно сказать, что правая клешня рака-пустынника больше лѣвой и когда въ случаѣ бѣды, то весь прячется въ раковину, открытую сверху, онъ прикрывается этой клешней будто крышей и выбираетъ себѣ раковину такую, которой отверстіе было бы не шире его клешни—крышки.

— Вотъ-то умный! проговорила Зина.

— Ходили мы такъ, да подхватывали всякую дичь—продолжалъ отецъ—но ничто такъ не заманивало дѣтей, какъ ловля краббовъ, они наловили множество такихъ, которые были не болѣе вершка и обѣщаясь мнѣ, по приходѣ домой (нѣкоторые дѣти жили въ одномъ со мною отелѣ) показать, какъ они будутъ ихъ кормить. Порядкомъ перепачканные, нагруженные, торжественно вернулись мы въ отель и принялись за устройство нѣкотораго рода акваріума прежде всего для краббовъ. Явилась откуда-то большая широкая банка, дно которой обложили камнями, образовавъ изъ нихъ родъ

скаль съ отверстіями, куда краббы могли бы по желанію прятаться; прибавили для красоты пестрыхъ раковинокъ, морскихъ растеній. Затѣмъ банку до половины наполнили морской водой и напустили туда краббовъ. Одинъ изъ мальчиковъ, проворно сбѣгавъ въ кухню, принесъ сырой говядины и, съ видомъ знатока, уже не разъ производившаго такой опытъ, сталъ отрывать крошечные кусочки и бросать въ воду на камни. Сначала краббы попрятались въ щели межъ своихъ скаль; затѣмъ, мало по малу, оправившись отъ переполоха, повылѣзли одинъ за другимъ на поверхность камней и принялись ѣсть говядину. Каждый изъ нихъ, положивъ передъ собой кусокъ, не торопясь отрывалъ отъ него клешней маленькій обрывочекъ и подносилъ ко рту; потомъ отрывалъ опять кусочекъ, но уже другой клешней и снова подносилъ ко рту. И такъ все поочереды мѣняя клешни, краббы поѣли плотненько, а одинъ изъ нихъ, найдя у себя во рту что-то лишнее, неторопливо, вытащилъ изо-рта какія то жилки и вытеръ клешни о камни. Сцена эта привела дѣтей въ полный восторгъ...

— Еще бы! подхватила Зина.

— А вотъ, передъ тѣмъ, какъ заговорить о краббѣ, ты сказалъ о какихъ-то животныхъ, которыя плавали въ маленькихъ бассейнахъ? замѣтила любознательная Наташа.

— Какъ же, я не забылъ и о нихъ! и познакомлю васъ съ ними, они очень интересны. Это медузы или жгучки, или морская крапива, крапивою ихъ называютъ потому, что если коснетесь къ нимъ голой рукой, то почувствуете непріятную, жгучую боль, похожую на обжогъ крапивы. Принадлежа къ классу мягкотѣлыхъ, тѣло медузы мягко, иногда прозрачно, какъ стекло, иногда слегка матовое съ рисунками окрашенными въ ярко-голубые, красные и фіолетовые цвѣта. Форма тѣла сверху выпуклая, какъ опрокинутая полоскательная чашка, снизу же плоская. Посреди нижней части ея стебелекъ съ желудкомъ; на концѣ стебелька ротъ окруженный маленькими хватательными щу-

пальцами, края же всего тѣла усажены длинными вѣтвистыми щупальцами. Принесенную ко рту щупальцами пищу медуза проглатываетъ, а непереваренныя въ желудкѣ частицы выбрасываетъ прочь черезъ желудокъ же. Питается медуза мелкими ракообразными животными, червями, слизняками и рыбами. Въ водѣ онѣ двигаются очень быстро, красиво извиваясь своими длинными щупальцами. Величина ихъ различна, отъ самыхъ крошечныхъ, до круговъ, болѣе полу-аршина въ діаметрѣ. Медузы очень живучи. Онѣ могутъ замерзать; на половину расплывшіяся отъ солнечныхъ лучей, на сухомъ морскомъ песку, снова попадаютъ въ воду и оживаютъ; не переносятъ только прѣсной воды. Самое огромное количество медузъ, разныхъ величинъ и цвѣтовъ, видѣлъ я во время отлива, на третьемъ купальномъ пляжѣ Біарица, называемомъ Котъ де Баскъ *) (Côte des Basques) съ скромнымъ купальнымъ заведеніемъ. Этотъ пляжъ служитъ любимымъ купальнымъ мѣстомъ простаго народа, живущаго въ городѣ и окрестныхъ деревняхъ, потому и называется „берегомъ басковъ“; народонаселеніе этой мѣстности составляютъ баски, происходящіе отъ остатковъ древняго испанскаго населенія иберійцевъ, живущихъ по обѣимъ сторонамъ западныхъ Пиринеевъ, у Бискайскаго моря, оно принадлежитъ частью къ испанцамъ, а частью къ южнымъ французамъ. Языкъ ихъ — смѣсь французскаго съ испанскимъ. Чистый, несмѣшанный типъ басковъ сохранился только на испанской сторонѣ. Вообще баски народъ практичный, трезвый и храбрый, трудолюбивъ, вѣжливъ, гостепріименъ и твердо держитъ данное слово. Чтутъ свою старину и придерживаются прежнихъ обычаевъ. Ростомъ не высоки, крѣпкаго тѣлосложенія, и такъ ловки и проворны, что еще у древнихъ составилаь поговорка: „проворенъ, какъ баскъ“. Одежда мужчинъ состоитъ изъ короткой, темной суконной куртки или изъ короткой клѣтчатой, бумажной блузы и длин-

*) Côte—берегъ.

ныхъ, широкихъ панталонъ полосатаго холста. Въ сухую погоду они носятъ сандалиі; въ дождливую—подбитые гвоздями сапоги съ шнурками или деревянные башмаки. Въ праздничные дни одѣваются въ черный бархатъ и опоясываются краснымъ шелковымъ шарфомъ. Чисто національная часть одежды—легкая шапка, родъ берета, называемая бойна, изъ валеной овечьей шерсти, точно изъ войлока. Въ ней баскъ носитъ свой носовой платокъ, гребень и пр. При поклонѣ она не снимается. Въ праздничные дни вмѣсто бойны надѣваютъ черную войлочную шляпу съ широкими полями. Женскій костюмъ состоитъ изъ полосатой юбки, внизу вышитой въ нѣсколько рядовъ тесмою яркихъ цвѣтовъ, изъ корсажа темнаго цвѣта, безъ рукавовъ, со шнуровкою спереди, подъ который на грудь и плечи надѣвается пестрый выбойчатый платокъ. На ногахъ носятъ синіе чулки и сандалиі или кожаные башмаки. Головное украшеніе составляютъ густыя, длинныя косы.

Баски въ праздничные дни любятъ повеселиться. Кромѣ танцевъ, музыки и пѣнья ихъ любимыя забавы: игра въ мячъ и бой быковъ. Домики ихъ, съ плоской, крытой кирпичемъ крышей, окружены фруктовыми садами, яблонями, орѣховыми и каштановыми деревьями и иногда виноградниками. Такъ какъ населеніе слишкомъ многочисленно, чтобы жить земледѣліемъ, да и, большею частію, каменистая почва не вездѣ удобна для земледѣлія, то почти половина населенія занимается промышленностью, торговлею и горнымъ дѣломъ, тоже кузнечнымъ и слесарнымъ ремеслами. Прибрежные жители по большей части рыбаки и матросы. Баски народъ образованный: въ каждой деревнѣ школа и нѣтъ ни одного человѣка, который не умѣлъ бы читать и писать.

На скромномъ, хотя замѣчательномъ своей сильной волной, пляжѣ, называемомъ „Коть де Баскъ“, разъ въ годъ, въ первое воскресенье сентября мѣсяца, собираются всѣ деревенскіе жители не только ближайшихъ, но и довольно отдаленныхъ мѣстъ, — какъ нижняя Наварра. Въ своихъ

праздничныхъ костюмахъ, направляются всѣ эти отдѣльныя группы басковъ разныхъ деревень къ Біарицу, предшествуемые музыкантами, національные инструменты которыхъ состоятъ изъ дудокъ, тамбуриновъ и особаго инструмента формы древней лиры съ тремя струнами, по которымъ ударяють барабанной палочкой. Съ раннаго утра городъ наполняется этими пришельцами, которые исполняютъ на площадяхъ свой національный танецъ мучико. Когда довольно напляшутся, но еще не устанутъ, тогда масса направляется на пляжъ „Котъ де Баскъ“. Придя туда всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, снимаютъ верхнее платье и, вставъ въ линію берутся за руки, съ пѣніемъ и криками, въ ожиданіи приближенія волнъ, когда волны нахлынутъ, вся толпа разомъ наклоняетъ голову и ныряетъ. Послѣ нѣсколькихъ ныряній, всѣ на берегу сушатся на солнышкѣ и снова принимаются за купанье, которое продолжаютъ все время прилива.

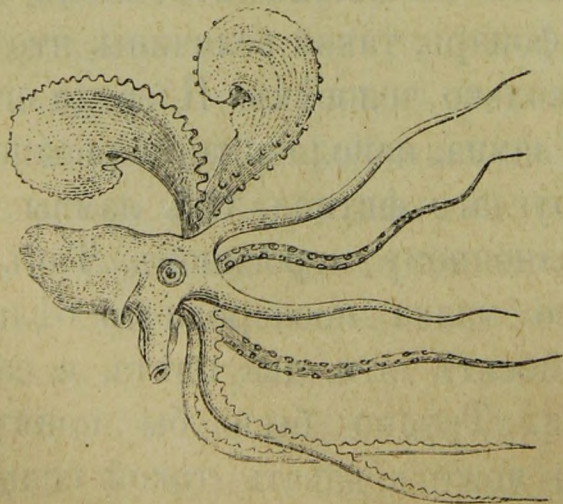
Чтобы покончить съ Біарицомъ да и вообще съ берегомъ Атлантическаго океана, расскажу о его маякѣ и устройствѣ фонаря; я ихъ подробно осматривалъ. Этотъ маякъ, возвышающійся на скалѣ мыса Сенъ-Мартенъ, представляетъ превосходно устроенную каменную башню, внутри которой идетъ прекрасная прочная лѣстница въ 256 ступеней съ просвѣтами въ стѣнахъ башни, извивающаяся до фонаря, находящагося наверху. Этотъ первый огромный наружный фонарь, весь изъ выпуклыхъ стеклянныхъ стѣнокъ, окружаетъ другой, внутренній фонарь, такой величины, что въ немъ можетъ помѣститься нѣсколько человѣкъ. Посреди его находится небольшая круглая лампа, наполненная керосиномъ, съ нѣсколькими рядами круглаго фитиля. Отъ лампы идетъ труба къ резервуару, наполненному керосиномъ. Такъ какъ условный свѣтъ Біарицкаго маяка поочереди то бѣлый, то красный, то шаръ лампы носитъ эти два цвѣта, а самая лампа сдѣлана вертящейся. Трудно было бы понять, какъ такая небольшая лампа можетъ давать такой сильный и такъ далеко видимый свѣтъ; весь фокусъ въ отраженіи огня стѣн-

ками внутренняго фонаря. Стѣнки эти тоже стеклянныя, устроенныя такъ, что среднія широкія ихъ полосы гладкія, а верхнія и нижнія изъ широкихъ стеклянныхъ призмъ, сложенныхъ, въ верхнихъ частяхъ—снизу вверхъ; а въ нижнихъ — сверху внизъ. Отраженіе огня въ этихъ двойныхъ призмахъ и даетъ тотъ сильный отсвѣтъ, который видѣнъ на далекое пространство. Наружный стеклянный фонарь окруженъ широкимъ балкономъ, съ желѣзной рѣшеткой, на который выходятъ отдушины, черезъ которыя должна поддерживаться въ большомъ фонарѣ температура, одинаковая съ наружною, чтобы не запотѣли его стекла; необходимо наблюдать, чтобы сильный притокъ воздуха не воспламенилъ огонь въ лампѣ, или не погасилъ его, для чего отдушины то пріотворяются, то затворяются.

Съ балкона фонаря открывался прелестный видъ на испанскій берегъ, цѣпь Пиринеевъ, на деревни Бискіи, на степи и на красивый Біарицъ, съ его живописными береговыми скалами и искусственной дамбой, далеко выдающейся въ бурныя воды океана, съ живописнымъ гротомъ Мадонны, бѣлая статуя которой высится надъ темной громадой грота и, кажется, паритъ въ лазурномъ эфирѣ неба, какъ путеводная звѣзда мореходцевъ, возсылающихъ къ ней горячія моленья.

Кругомъ бушуютъ сизо-зеленыя волны океана.

С. Лаврентьева.

Корабликъ.

ВЪ ПОЛѢ.

ПРОКО ты поле,
Словно вольный свѣтъ!
Только мнѣ младенькѣ
Угону нѣтъ...

Тяжело работать
Одиной—одной...
Колось ли мой колось,
Колось золотой!

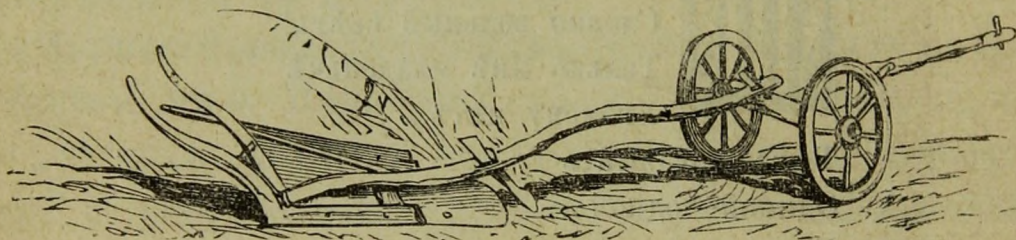
Молодые силы
Заморилъ скупецъ,
Загубилъ—замаялъ
Бѣдную отецъ.
Али я родилась
И умру рабой?
Колось ли мой колось,
Колось золотой!

Счастье вотъ Наташѣ!
Все наряды шьютъ:
Осенью-то дѣвку
Замужъ выдаютъ.
Думаю: настанетъ
Праздничекъ и мой...
Колось ли мой колось,
Колось золотой!

Онъ вечеръ промолвилъ:
„Не тужи! Ей-ей,
„Мы отца упросимъ...
„Быть тебѣ моей!“
И взглянулъ съ любовью...
Съ плечъ гора долой...
Колосъ ли мой колосъ,
Колосъ золотой!

Н. Пановъ.

Сызрань.

МАЛЕНЬКІЙ РУДОКОПЪ.

I.

С и р о т а.

НАДЪ горнымъ Франкенталемъ въ Саксоніи только что разразилась сильная благотворная гроза; время отъ времени еще слышались далекіе раскаты грома. Вершины горъ были задернуты завѣсою тучъ, черезъ все перекинулась великолѣпная радуга, отражая солнечные лучи, она придавала зеленѣющей долинѣ волшебное освѣщеніе. Дождевыя капли, осыпавшія траву и листья деревьевъ, сверкали тысячью огней. Птицы, оправившись отъ испуга, начинали весело щебетать. Поселяне раскрывали окна своихъ жилищъ и радовались видя, что буря пронесшаяся надъ Франкенталемъ не повредила ихъ полямъ и огородамъ. Пострадали отъ нее только огурцы г-на Верндтеля, главнаго смотрителя надъ рудокопами. Мрачно прохаживался онъ по своему садику подъ звуки все болѣе и болѣе отдаляв-

пшеся разскатовъ грома, сердито осматривая свои попорченныя грядки, и собирался уже войти въ комнаты, какъ ему послышалось, что за живою изгородью, отдѣлявшею его садикъ отъ подошвы горы, что то шевелится. Не успѣлъ онъ приблизиться къ изгороди, изгородь раздвинулась и изъ-за кустовъ выкатилось, прямо на его пострадавшіе огурцы, нѣчто въ родѣ неуклюжаго тюка, изъ суровой парусины. Разъяренный смотритель разразился бранью и бросился на тюкъ. Какъ вдругъ тюкъ развернулся и изъ него показались сначала нога, потомъ рука, и наконецъ цѣлый мальчикъ. Быстро вскочивъ на ноги, онъ остановился сконфуженный передъ г-мъ Верндтелемъ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, негодный? закричалъ взбѣшенный смотритель, схвативъ мальчика за воротъ и сильно потрясая его.

Испуганный мальчикъ въ первую минуту не могъ выговорить ни одного слова.

— Я Готлибъ Фрей, изъ Аннаберга, сказалъ онъ наконецъ простодушно, иду къ моему дядюшкѣ, смотрителю надъ здѣшними рудокопами, г-ну Верндтелю.

— Вотъ тебѣ разъ, пробормоталъ смотритель. Да развѣ такимъ образомъ являются къ порядочнымъ людямъ! Дуракъ! Какъ это тебѣ вздумалось скатиться клубкомъ съ горы прямо на мои огурцы?

— Я сбился съ дороги и никакъ не могъ попасть въ долину. А тутъ нога поскользнулась, я оборвался съ края, удержаться не могъ и скатился, отъ дождя я надѣлъ на себя мой дорожный мѣшокъ, и руки были несвободны; простите если я у васъ что попортилъ.

— Ну ладно, Богъ съ тобой! А теперь скажи, что тебѣ отъ меня надобно?

— Такъ это вы и есть мой дядя! вскричалъ обрадованный Готлибъ, и крѣпко сжалъ руку Верндтеля. Какъ я счастливъ, что вижу васъ, дорогой, милый дядя!

— Хорошо, хорошо, нѣжности послѣ, сурово отвѣтилъ на его порывъ смотритель. Что твоя мать, здорова ли?

— Умерла, печально проговорилъ Готлибъ, утирая блеснувшія на его карихъ глазахъ слезы.

— Вотъ какъ, безучастно отозвался братъ умершей. Какъ же это случилось? она моложе меня.

— Она давно была больна, все кашляла, да слабѣла, докторъ сказалъ, что ничего не подѣлаешь. Вотъ сию я разъ около нея и читаю ей вслухъ молитвенникъ, какъ вдругъ она приподнялась и говоритъ мнѣ: „какъ только я умру, ступай тотчасъ же къ брату моему въ Франкенталь, скажи ему, что я именемъ Бога прошу его пріютить тебя!„ У нее захватывало дыханье... Немного погодя она продолжала: „Готлибъ, помни Бога, не дѣлай никому зла, живи честно“. Да вдругъ опустила голову на подушку и закрыла глаза. Я думалъ она уснула, а... а... все было кончено...

Слезы покатались изъ глазъ мальчика. Верндтель не любилъ ни думать, ни слышать о смерти, и поспѣшилъ прервать племянника.

— Ну полно, полно, оставимъ мертвыхъ въ покоѣ. А ты скажи мнѣ вотъ что: никакъ ты собираешься у меня поселиться?

— Точно такъ, дядюшка.

— Ну, а если ты мнѣ ни на что ненадобенъ, тогда какъ?

— Да вы то мнѣ надобны, дядюшка, простодушно отвѣтилъ Готлибъ, вы такой добрый...

— А что ты умѣешь дѣлать?

— Умѣю читать, немного писать, знаю молитвы, заповѣди.

— Экой болванъ, развѣ о томъ тебя спрашиваютъ! Говори, что ты умѣешь работать?

— Умѣю пасти овецъ, гусей, умѣю срѣзывать палочки и подвязывать цвѣты, умѣю дѣлать дудочки.

Смотритель съ презрѣніемъ покачалъ головою. — Все это пустяки и мнѣ ни на что не надобно.

— А умѣешь просить милостыню?

— Просить милостыню! въ изумленіи воскликнулъ Готлибъ, нѣтъ дядя, не умѣю, а голодать умѣю, это легче. Еслибъ вы видѣли какъ мы съ мамой бережливо тратили свой маленькій запасецъ картофеля, утромъ мнѣ давалось три картофелины, на обѣдъ пять, на ужинъ четыре, такъ и хватило до самой ея кончины, да еще мнѣ осталось на тѣ дни пока мы ее хоронили, а затѣмъ, я, по ея приказанью, пошелъ прямо къ вамъ.

— Чѣмъ же ты питался дорогой?

— Ничѣмъ, дядюшка.

— А милостыню не просилъ?

— Нѣтъ, дядюшка.

Смотритель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на мальчика.

— Да неужели же послѣ матери ничего не осталось?

— Остался разный хламъ, мы его продали: слава Богу хватило похоронить ее!

— А что же у тебя въ мѣшкѣ? все твое богатство?

— Да, все, отвѣчалъ Готлибъ, раскрывая мѣшокъ. Онъ вытащилъ изъ него большую валеную шапку съ кожанымъ козырькомъ, на которомъ были наложены крестообразно двѣ маленькія мѣдныя кирки, и воткнулъ небольшой щитикъ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ. Это шапка моего отца; онъ былъ рудокопъ, я буду беречь эту шапку, а когда вырасту большой,—стану носить ее.

— Неужели мать въ самомъ дѣлѣ тебѣ ничего не оставила? ни бѣлья, ни посуды, ни постели? такъ таки ровно ничего, съ досадой спросилъ смотритель.

— Осталась кой-какая дрянь—продали, чтобы расплатиться за похороны.

Не говоря болѣе ни слова, Верндтель повелъ племянника въ комнаты и велѣлъ экономкѣ дать ему хлѣба. Она отрѣзала большой ломоть и подала мальчику, онъ, поблагодаривъ ее, сталъ ѣсть съ большой жадностью.

Смотритель, отвернувшись отъ племянника, молча, бара-

банилъ пальцами по окну. Взглянувъ на Готлиба, онъ замѣтилъ, что мальчикъ плачетъ.

— Это еще что значить? закричалъ онъ, терпѣть не могу слезъ, о чемъ разрюмился?

— Я плачу отъ радости, дядюшка, я такъ давно не ѣлъ хлѣба, какой онъ вкусный!...

— Плакса, нюня, дрянъ, сказалъ Верндтель, снова повертываясь къ окну, и не сказавъ ни слова, вышелъ изъ комнаты.

— Дядюшка кажется не такъ добръ, какъ была моя мама, думалъ Готлибъ, оставшись одинъ и доѣдая свой вкусный хлѣбъ, за что онъ разбранилъ меня! Да, вкусенъ хлѣбъ, а былъ бы гораздо вкуснѣе, еслибъ былъ мой собственный, или еслибъ мнѣ дали его поласковѣе; счастливъ тотъ, кто можетъ самъ себя прокармливать!

Осматривая комнату, онъ безсознательно почувствовалъ, что она ему не по душѣ, что ему въ ней тяжело дышется и вышелъ въ садъ. Безпорядки, произведенные въ огородѣ грозою и имъ самимъ, тотчасъ же бросились ему въ глаза, и онъ задумалъ поправить ихъ на сколько съумѣетъ: собравши колышки, поваленные бурей, найденнымъ въ саду деревяннымъ молоткомъ снова вбилъ ихъ на мѣсто, крѣпко на крѣпко, подвязалъ къ нимъ длинныя палочки ивовыми прутиками, затѣмъ приподнялъ огуречныя плети и развѣсилъ ихъ по прежнему на рѣшетку. Когда онъ кончилъ свое дѣло, дядя вошелъ въ садъ съ однимъ изъ рудокоповъ; и не безъ удовольствія замѣтилъ водворившійся въ огородѣ порядокъ, но не сказалъ ни слова маленькому садовнику, даже не подошелъ къ нему.

Вдругъ Готлибъ услышалъ, что гдѣ-то неподалеку отъ него, что-то тяжелое шлепнулось въ воду, и какъ будто тамъ барахталось. Бросившись въ ту сторону, откуда слышался плескъ, Готлибъ увидалъ четырехъ-лѣтнюю дѣвочку барахтавшуюся въ большомъ чану съ водой, врытомъ въ землю наравнѣ съ краемъ, и счастливо вытащилъ ее изъ

воды еще живою. Это была дочь рудокопа, пришедшаго въ садъ вмѣстѣ съ смотрителемъ, который, заговорившись съ нимъ, не замѣтилъ какъ ребенокъ опустилъ его руку, отправился одинъ бѣгать по саду и попалъ въ чанъ съ водою. Занявшись испуганной дочерью, отецъ ушелъ, забывъ даже поблагодарить ея спасителя, а дядя не считалъ необходимымъ похвалить племянника и пошелъ въ комнаты, не сказавъ ему ни одного ласковаго слова. Готлибъ, оставшись одинъ, снова принялся убирать садъ и работалъ до тѣхъ поръ пока экономка не позвала его ужинать.

Смотритель сидѣлъ за столомъ, покрытымъ чистой скатертью, съ кружкой чернаго пива въ рукахъ. Передъ нимъ стояло блюдо съ какимъ-то соусомъ, распространявшимъ пріятный запахъ по всей комнатѣ, но бѣдному мальчику не удалось его отведать. Вошедшая вслѣдъ за нимъ экономка Катерина съ блюдомъ варенаго картофеля и кускомъ хлѣба въ рукахъ, поставила все это на скамейку возлѣ печки и подала знакъ Готлибу, что это его ужинъ, а сама подсѣла къ хозяйскому столу и вмѣстѣ съ Верндтелемъ принялась за вкусный соусъ.

Готлибъ стоялъ въ смущеніи, посматривая то на дядю, то на Катерину, ожидая, что вотъ-вотъ кто нибудь изъ нихъ прочтетъ молитву, но они преспокойно продолжали ѣсть, мальчикъ подумалъ, что должно быть молитва была прочтена до его прихода въ комнату, подошелъ къ своей скамейкѣ, сложилъ руки и сталъ читать вслухъ свою обычную молитву передъ обѣдомъ и ужиномъ.

Катерина разсмѣялась, а смотритель закричалъ грубымъ голосомъ:

— Перестань, болванъ, у насъ передъ ужиномъ молитвы не читаютъ.

Это восклицаніе поразило набожнаго мальчика.

Какъ же это, думалъ Готлибъ? Неужели дядя не знаетъ, что намъ дано Богомъ! Боже мой какъ это страшно!

И весь аппетитъ его, возбужденный работой въ саду, пропалъ.

— А что, этотъ мальчикъ всегда будетъ жить у насъ? спросила старая экономка смотрителя недовольнымъ голосомъ.

— И самъ не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать, отвѣчалъ Верндтль, посмотримъ, подождемъ нѣсколько дней. Пока постели ему подъ лѣстницей въ углу немного соломы. Если же онъ будетъ дурно вести себя, тотчасъ вытуримъ.

Разговоръ этотъ смутилъ бѣднаго Готлиба. Тяжело было у него на душѣ, когда пожелавъ дядѣ покойной ночи, на что не получилъ ни слова въ отвѣтъ, онъ удалился въ отведенную ему конуру. Впрочемъ грустное настроеніе не помѣшало ему ложась спать помолиться даже усерднѣе обыкновеннаго. Онъ долго думалъ о матери, о прошедшемъ, счастливомъ времени и заливался горькими слезами. Вдругъ вспомнилъ онъ о спасенной имъ дѣвчкѣ, воспоминаніе это утѣшило и успокоило его, и онъ уснулъ крѣпкимъ сномъ безмятежной совѣсти, улыбаясь во снѣ, какъ въ то время когда его напутствовали ко сну поцѣлуй и благословеніе матери.

II.

Готлибъ пріобрѣтаетъ общую благосклонность.

Мать Готлиба была неглупая женщина, она часто говорила сыну:

— Готлибъ, когда ты вырастешь большой, тебѣ не разъ случится имѣть дѣло съ нехорошими людьми. Вспомни тогда, что не каждый день свѣтитъ солнце, бываютъ и ненастные дни, переживаемъ же мы ихъ терпѣливо; точно также долженъ ты переносить и несправедливость людскую. Есть вѣрное средство ужиться съ самымъ дурнымъ человѣкомъ и даже расположить его къ себѣ, нисколько не лстя его порокамъ. Стоитъ только подмѣтить его хорошую сторону, а она есть у

каждаго, и надобно дѣйствовать на нее, оказывая ему всѣ зависящія отъ тебя услуги, всегда обращаясь съ нимъ вѣжливо и ласково. При случаѣ вспомни мой совѣтъ, навѣрно останешься а него благодаренъ.

Какъ только Готлибъ проснулся, ему пришли на умъ слова матери. Онъ усердно помолился Богу, одѣлся и вышелъ изъ своего угла. Первая на встрѣчу попалась ему Катерина. Онъ пожелалъ ей добраго утра такимъ ласковымъ голосомъ, что она невольно поблагодарила его, хотя далеко непривѣтливо, и на его скромно высказанную просьбу дать ему воды умыться, молча показала на колодезь возлѣ дома. Умывшись, Готлибъ сталъ искать дядю, чтобы и на немъ испытать совѣтъ матери, но тотъ уже ушелъ въ рудники, тогда онъ, вернувшись въ кухню, спросилъ у Катерины, не можетъ ли онъ ей чѣмъ нибудь помочь?

— Нѣтъ, сухо, отвѣтила она, но Готлибъ не отчаялся и вскорѣ самъ нашелъ работу.

Въ углу валялись дядины нечищенные сапоги, тутъ же стоялъ ящикъ съ щетками и ваксой. Онъ живо принялся за чистку, потомъ сходилъ къ колодцу за водой; нащипалъ лучины, подмелъ комнату и все разставилъ по мѣстамъ, даже мухъ выгналъ вѣткою въ окно, Катерина смотрѣла на него и помалчивала: пусть себѣ дѣлаетъ, думала она, но очевидно смягчилась и дала ему на завтракъ чашку вкуснаго кофею съ кускомъ мягкаго хлѣба.

Ласково поблагодаривъ ее, онъ съ наслажденіемъ позавтракалъ мало знакомымъ ему лакомствомъ и пошелъ въ садъ: тамъ подрѣзалъ онъ у деревьевъ сухія вѣтки, выпололъ гряды, тщательно выскребъ дорожки, и веселый, довольный своимъ утромъ сѣлъ отдыхать на камушекъ. Въ полдень пришелъ домой смотритель, онъ остался очень доволенъ уборкою сада, особенно понравилось ему, что мухи не беспокоили его во время обѣда, и когда онъ пообедавши сѣлъ подремать въ свое большое кресло. Услыхавъ отъ Катерины обо всемъ что сдѣлалъ Готлибъ въ это утро, онъ сказалъ:

— Стало быть этот мальчишка на чтонибудь да годится. И въ знакъ своего благоволенія прибавилъ ему къ картофелю, составлявшему его обѣдъ, кусокъ говядины съ своей собственной тарелки.

По окончаніи обѣда Готлибъ спросилъ дядю: не прикажетъ ли онъ ему сдѣлать еще чтонибудь: конечно не надежда получать каждый день по куску говядины руководила услужливымъ мальчикомъ, а желаніе исполнить до конца добрый совѣтъ матери. Дядя, расположившійся на покой въ своемъ длинномъ креслѣ, зѣвая указалъ ему рукою на трубки, стоявшія въ одномъ углу комнаты и сказалъ:

— Перечисти мнѣ ихъ всѣ... да смотри не разбей, а не то... и заснулъ, не кончивъ вѣроятно угрозы.

Дни шли за днями заведеннымъ порядкомъ, и хотя по временамъ Готлибу доставался не одинъ пинокъ, не одно бранное слово, но продолжая слѣдовать совѣту матери, онъ заслужилъ расположеніе не только дяди, но и старой ворчливой Катерины, и пожалуй считалъ бы себя не совсѣмъ несчастнымъ, еслибъ дядя согласился посылать его къ школу. Мальчикъ страстно жаждалъ учиться и разъ отважился намекнуть объ этомъ дядѣ.

— Вотъ еще что выдумалъ, посылай его въ школу, плати за него пятнадцать копѣекъ въ недѣлю, это на какія деньги, ты и такъ не мало мнѣ стоишь, шалопай! грозно закричалъ смотритель, и бѣдный Готлибъ замолчалъ, глотая слезы.

III.

Готлибъ неожиданно покидаетъ домъ дяди.

Въ одну изъ ночей Готлибу что-то не спалось. Случилось ли это отъ необычно сытнаго ужина, которымъ угостила его экономка, или отъ чернаго невкуснаго пива, которымъ неожиданно напоилъ его дядя, только какъ онъ не старался, а никакъ не могъ заснуть. Вдругъ онъ слышитъ, какъ отво-

ряется наружная дверь и входит нѣсколько человѣкъ, со снопами, какъ показалось ему, въ рукахъ, начинается разговоръ вполголоса, считаются, гремятъ деньги, и потомъ эти люди уходятъ, но уже съ пустыми руками, а смотритель спускается въ подвалъ и прячетъ должно быть туда принесенные снопы, но когда на слѣдующее утро Готлибъ отправился въ подвалъ за пивомъ, сноповъ тамъ не оказалось. Не разъ повторялась эта исторія и Готлибъ убѣдился, что приносились дѣйствительно пшеничные снопы, прятались въ подвалъ и оттуда куда-то исчезали. И вотъ однажды ночью, когда онъ крѣпко спалъ, его внезапно разбудила Катерина, за спиной у нее висѣла большая корзина.

— Одѣвайся скорѣй и пойдемъ со мною, сказала она ему, пока онъ, испуганный неожиданностью, протираетъ себѣ глаза.

Вскорѣ къ нимъ подошелъ смотритель съ заступомъ на плечѣ, на дворѣ было еще совсѣмъ темно, когда они всѣ вмѣстѣ вышли изъ дому въ глубокомъ молчаніи. Долго шли они пока передъ ними не явилось большое поле, засѣянное картофелемъ. Смотритель принялся рыть землю, а Катерина выбирать изъ нее картофель, приказавъ Готлибу укладывать его въ корзину. Бѣдный мальчикъ повиновался дрожа отъ страха, ему стало ясно, что поле это чужое, а они картофель воруютъ. Когда корзина наполнилась до верху, Катерина опять взвалила ее себѣ на плечи, и всѣ они быстрымъ шагомъ вернулись домой.

— Ну Готлибъ, заговорилъ смотритель, когда они пришли въ свою кухню, ты долженъ хорошенько поблагодарить насъ, сегодня мы трудились ради тебя; ты ѣшь такъ много, что скоро и мнѣ бы самому ничего не осталось; вотъ и пришлось позаимствоваться для твоего прокормленія съ поля богатаго мужичка, да хорошо, что не поймали, а тобы намъ пришлось плохо.

У бѣднаго Готлиба страшно стѣснило сердце при мысли, что ему предстоитъ питаться краденымъ добромъ, и когда на слѣдующій день Катерина принесла ему его обычную

порцію картофеля, онъ сталъ ему поперекъ горла, мальчикъ не могъ съѣсть и половины своего обѣда. А какъ знать, чтобы сталося съ нимъ послѣ, и честный Готлибъ могъ бы мало по малу привыкнуть къ пороку, еслибъ одно обстоятельство не положило конецъ его нравственному страданію.

Вскорѣ послѣ описанной ночи, наступилъ день рожденія зрителя, покушавъ сытнаго обѣда съ разными пирогами и лакомствами, изъ котораго Готлибу достался только небольшой кусокъ говядины, новорожденный сдремнулъ съ часочекъ и отправился въ гостиницу играть на билліардѣ.

Не много спустя послѣ его ухода, Катерина подошла къ Готлибу и, подавая ему кусокъ пирога и стаканъ вина, ласково сказала.

— Вотъ это я нарочно приберегла для тебя, кушай и пей на здоровье. Но за это и ты долженъ сослужить мнѣ службу. Видишь вотъ этотъ узелокъ, снеси его въ Штейнбахъ, въ тотъ маленькій домикъ, въ началѣ селенья, куда я не разъ при тебѣ заходила. Спроси тамъ Тефеля Кернера, ему и отдай это, да скажи: вотъ, дескать, это вамъ Катерина прислала. Да смотри, чтобы дядюшка твой не видалъ. Онъ теперь, я чай, давно засѣдаетъ въ гостинницѣ, а ты все таки иди, да оглядывайся, чтобы онъ какъ нибудь не попался тебѣ на дорогѣ.

Какъ ни замирало у бѣднаго Готлиба сердце отъ страха и отвращенья, онъ не посмѣлъ послушаться экономки и отправился въ путь, озираясь во всѣ стороны, какъ преступникъ, и вдругъ наткнулся на дядю, неожиданно появившагося изъ-за утеса. Верндтель не нашелъ себѣ партіи на билліардѣ и шелъ въ Штейнбахъ попытать тамъ счастья. Готлибъ замеръ отъ страха.

— Куда ты? строго спросилъ дядя.

— Въ Штейн.... въ Штейн.... въ Штейнбахъ, заикаясь, едва слышно отвѣчалъ племянникъ.

— Зачѣмъ?... что ты тамъ потерялъ?

— Я.... мнѣ.... я хотѣлъ.... мнѣ надо....

— Чего надо?.. что хотѣлъ?.. да говори же наконецъ!... А зачѣмъ это ты правую то руку держишь за спиною, покажи-ка мнѣ ее!...

Взбѣшенный Верндтель схватываетъ мальчика за руку и вырываетъ у него узелокъ. Поспѣшно развязавъ его, онъ увидалъ тамъ большой кусокъ пирога, меньшій кусокъ жаркаго и бутылку вина. Смотритель обезумѣлъ отъ ярости, бросился на мальчика и сталъ колотить его почемъ попало, приговаривая:

— Такъ ты такъ, мошенникъ, воришка!... За то что я призрѣлъ тебя, ты меня обворовываешь!!!

— Я право не виноватъ, дядюшка, кричить заливаясь слезами Готлибъ, я долженъ былъ отнести это въ Штейнбахъ, въ маленькій домикъ налѣво отъ дороги, я даже не зналъ, что въ узелкѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ? Каковъ негодай! а зачѣмъ же ты пряталъ отъ меня узелокъ, если не зналъ что въ немъ?

— Такъ приказала мнѣ Катерина!

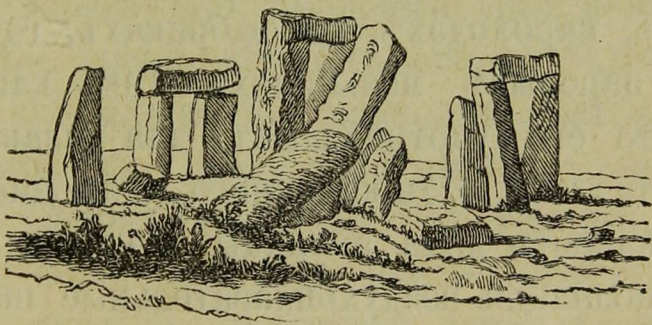
— Вотъ еще змѣя подколодная! Погодижъ она у меня, я ей задамъ! А хорошъ и ты! Не послушайся ты ее, не согласишься обворовать меня, ей одной это было бы труднѣе. Прочь съ глазъ моихъ, не смѣй мнѣ показываться, не хочу держать въ домѣ воришку! И на прощанье задалъ такого тумака племяннику, что тотъ отлетѣлъ отъ него на нѣсколько шаговъ. Заливаясь слезами, побрелъ Готлибъ самъ не зная куда. Наплакавшись вдоволь, онъ сталъ раздумывать о своемъ положеніи.

— Какъ это странно, думалъ онъ усѣвшись на камушекъ, дядя самъ воруетъ, отчего же онъ такъ взбѣсился, когда увидалъ, что его обворовали. Неужели всѣ воры таковы? Мнѣ же кажется, что если чего себѣ не желаешь, то не надо дѣлать этого и другимъ! А вѣдь, пожалуй, онъ со временемъ и меня бы приучилъ къ порокамъ, и я выучился бы воровать, а воры не войдутъ въ царствіе Божіе. Стало быть можетъ и счастье, что онъ выгналъ меня отъ себя, я

и то сталъ иной разъ забывать молиться Богу. Въ церковь меня не пускали, въ школу тоже, что бы изъ меня современнымъ вышло?.. Ахъ милая моя мама, еслибъ ты знала въ какомъ я положеніи! Да ты вѣрно видишь съ неба все что со мной здѣсь дѣлается!

Готлибъ снова расплакался, что мнѣ дѣлать теперь? Гдѣ переночую сегодня? Неужели придется просить милостыню! Нѣтъ, лучше голодать, а не протяну руку. Мать! мать моя! научи ты меня, куда мнѣ дѣваться?!!

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ.

ЮЖНЫЙ край Россіи интересенъ не только по своей черноземной почвѣ, солончакамъ, винодѣлію и рыбнымъ промысламъ, но и потому, что тамъ находятся огромныя залежи каменнаго угля, необходимаго какъ топливо, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за недостаткомъ лѣсовъ топятъ соломой, камышемъ, кизякомъ *). Кромѣ отопленія жилищъ, каменный уголь употребляется на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, на фабрикахъ, гдѣ дѣйствуютъ паромъ, и на паровыхъ мельницахъ. Такъ какъ онъ даетъ много жара, то его употребляютъ для плавленія трудно плавимыхъ металловъ. Изъ каменнаго угля добывается газъ, которымъ освѣщаютъ дома и улицы, а самымъ легкимъ изъ его газовъ наполняютъ воздухоплавательные шары.

Видя огромную пользу каменнаго угля, вездѣ стараются его отыскивать и разрабатывать. Большая разработка его находится: въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи, Франціи, Бельгіи. Въ настоящее время у насъ въ южной Россіи открыто много каменнаго угля и есть надежда еще на большее открытіе.

Тамъ, гдѣ теперь находятъ каменный уголь, въ отдаленныя времена древняго міра росли величественныя лѣса папоротниковъ, развившіеся отъ сильной внутренней теплоты

*) Сушеный овечій навозъ.

земнаго шара въ громадныя деревья. Понятіе объ этихъ лѣсахъ можно себѣ составить, отчасти по лѣсамъ южной Америки. Вслѣдствіи разныхъ земныхъ переворотовъ, въ доисторическія времена, лѣса эти покрылись моремъ; изъ воды на нихъ осадились толстые пласты пещаниковъ и глинъ; каменистые пласты и вода недопускали до растеній доступъ воздуха. Растенія тлѣли подъ ними, оставляя отъ себя то, что называется каменнымъ углемъ. Эти пласты, осаживаясь, захватывали въ себя морскихъ животныхъ. Другіе перевороты подняли морское дно изъ воды, осадки обнажались, высыхали, а потомъ каменѣли. На сушѣ размножались животныя и выростали новыя великолѣпныя лѣса, которые, въ свою очередь, покрывались водой, подвергались гніенію, а животныя, уже не прежняго вида,—опять осаждались.

Если такимъ образомъ совершилось пять переворотовъ въ какой нибудь части земнаго шара, то должно было образоваться пять пластовъ, съ остатками животныхъ и растеній, а окаменѣвшія растенія—явиться каменнымъ углемъ.

Процессъ образованія каменнаго угля можно прослѣдить и въ настоящее время. Мѣста влажныя, болотистыя, покрытыя мохомъ, кустарникомъ, опавшими листьями, разрушенными деревьями, образуютъ толстый слой земли, куски этой земли могутъ употребляться вмѣсто топлива. Это первоначальный видъ каменнаго угля, онъ называется „торфомъ“. Все различіе сортовъ каменнаго угля зависитъ отъ древности ихъ образованія.

Такимъ образомъ, современный видъ каменнаго угля будетъ торфъ, болѣе древній „бурый уголь“ или „лигнитъ“; за нимъ по древности слѣдуетъ—„каменный уголь“, затѣмъ „антрацитъ“ и наконецъ „графитъ“.

1) Торфъ—образуется изъ разложившихся частей растеній—особенно болотныхъ мховъ.

2) Бурый уголь или лигнитъ *)—такъ названъ потому,

*) Лигнитъ происходитъ отъ латинскаго слова *Lignum*—дерево.

что въ немъ видна еще растительная тканьъ, а между пластами попадаются цѣлые древесные стволы, проникнутые горною смолой. При сгараніи онъ даетъ много воды.

3) Каменный уголь—цвѣта черно-бархатнаго съ яркимъ блескомъ, хрупокъ и ломокъ, легко загорается, горитъ съ копотью. Чтобы устранить это неудобство, изъ него выжимаютъ смолу и получается коксъ, который горитъ съ сильнымъ жаромъ, но безъ пламени и только тлѣетъ. Въ каменномъ углѣ находятъ сѣрный колчеданъ *), желѣзо и сѣру. Когда желѣзо и сѣра соединяется съ кислородомъ воздуха, то образуютъ пары сѣрнистой кислоты, эти пары непріятно пахнутъ и вредны для дыханья. Чѣмъ меньше въ каменномъ углѣ сѣрнаго колчедана, тѣмъ онъ цѣннѣе.

4) Антрацитъ—видоизмѣненіе каменнаго угля, при горѣніи не отдѣляетъ ни дыма, ни значительнаго запаха. Горитъ трудно и даетъ жара больше, нежели каменный уголь.

5) Графитъ или карандашная земля состоитъ почти изъ чистаго углерода, цвѣта чернаго и марокъ.

Императоръ Петръ Великій первый обратилъ вниманіе на каменный уголь южной Россіи. Увидавши породы этого горючаго матеріала, онъ сказалъ слѣдующія незабвенныя слова: „Сей матеріаль, если не намъ, то нашимъ потомкамъ будетъ весьма полезенъ“ и отправилъ первую экспедицію въ южную Россію для отысканія каменнаго угля. Вскорѣ Петръ Великій кончилъ жизнь и развѣдки остановились. Въ царствованіе императрицы Екатерины II вновь стали отыскивать каменный уголь; но только въ 1823 году, когда назначенъ былъ графъ Воронцовъ новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ, обращено настоящее вниманіе на развѣдки и поощренія къ добыванію угля. Въ это время каменный уголь былъ уже извѣстенъ донскимъ казакамъ, они употребляли его на кузницахъ и продавали въ сосѣдніе города. По распоряженію Воронцова

*) Минераль.

постоянно посылались горные инженеры въ южный край Россіи, они открыли каменный уголь и желѣзную руду во многихъ мѣстахъ Екатеринославской губерніи и Донской области. А богатый русскій дворянинъ Анатолій Демидовъ на собственныя средства снарядилъ эскадру изъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, подъ начальствомъ горнаго инженера Лепле, которые положили на карту мѣстности, богатая каменнымъ углемъ и желѣзною рудою.

Богатство горючаго матеріала на югѣ Россіи можетъ считаться неистощимымъ. Изъ всѣхъ открытій видно, что каменно-угольная промышленность южнаго края сосредоточилась въ группѣ нижняго Донца на рѣкѣ Грушеvkѣ. На Грушеvkѣ устроилось значительное поселеніе, а въ 1863 году открыта грушевская желѣзная дорога для перевозки антрацита и соединяла Грушевской посадъ съ Аксайской станицей на Дону, гдѣ устроивалась пристань для складки антрацита, чтобы отправлять его въ Азовское и Черное море и черезъ Донъ на Волгу.

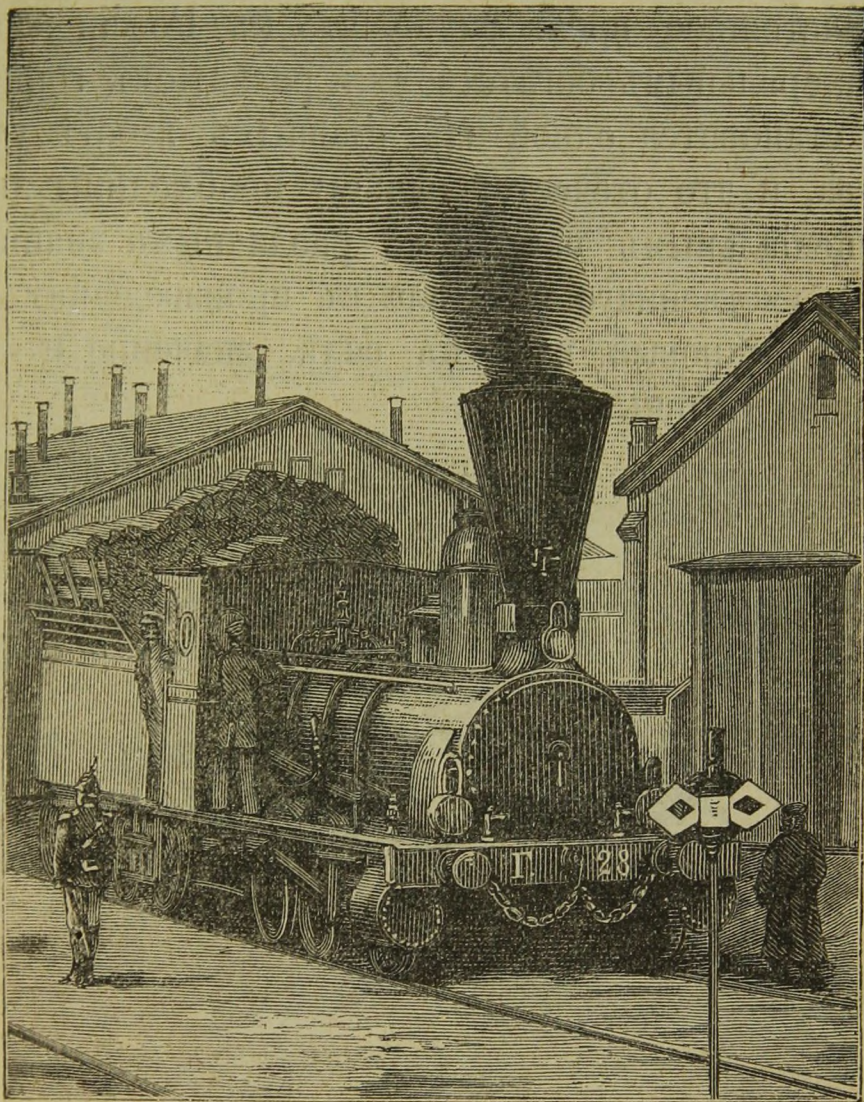
Кромѣ Грушевскаго посада, по всей мѣстности отведенной подъ работы, разбросаны домики владѣтелей каменно-угольныхъ участковъ, строенія для рабочихъ, конюшни и амбары, подъ которыми находятся конныя машины для разработки шахты. Собственно шахтой называется колодезь въ 4½ аршина ширины и длины. Изъ колодцевъ большимъ ведромъ (бадьей) вынимаютъ сперва породы, покрывающія горючій матерьялъ, а за ними и самый антрацитъ. Мягкія породы ломаются молотомъ; крѣпкія взрываютъ порохомъ. Грушевскій антрацитный рудникъ развился вполнѣ самостоятельно, безъ иностранныхъ примѣровъ и ученой литературы; въ немъ добыча минеральнаго топлива есть промыселъ прямо народный.

Около 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія, простые казаки замѣтили съ берега Грушевки выдающійся пластъ угля и стали его просто выламывать, но этотъ способъ доставки топлива неопытными рудокопами становился чѣмъ

дальше, тѣмъ затруднительнѣе. Наконецъ правительство обратило вниманіе на это добываніе угля. Въ 1837 году была заложена первая шахта, а по ея образцу и другая. Грушевскія копи раздѣлили на участки — они достались первымъ промышленникамъ. Шахта съ предварительнымъ устройствомъ помѣщенія, постановкой машины, конюшенъ и сараевъ становится отъ 15,000 до 20,000 рублей серебромъ; это бы ничего; явилась невозможность продолжать работы безъ пособія всѣхъ изобрѣтеній горной науки. Среди горныхъ породъ есть пещаники, до того насыщенные водой подземныхъ ключей, что когда рабочіе ихъ достигаютъ, то вода съ шумомъ ручьями льется со всѣхъ сторонъ и быстро наполняетъ шахту. Попробовали воду откачивать бадьей и воротомъ, — но это оказалось бесполезно. Откачивать воду можно дорогими паровыми машинами, при этомъ шахта должна быть устроена по правиламъ науки, стѣнки колодца для сопротивленія водѣ обложены непроницаемымъ камнемъ или даже чугуномъ, какъ въ англійскихъ шахтахъ.

Грушевскій рудникъ можно раздѣлить на старыя и новыя разработки. Старыя шахты, расположенныя по правому берегу Грушевки, затоплены водой, и работы, по недостатку капиталовъ для устройства водокачательныхъ машинъ, прекратились. Новыя участки расположены по обоимъ берегамъ рѣки, содержатъ въ себѣ больше 745 миліоновъ пудовъ чистаго обработаннаго матерьяла, но недостатокъ рабочихъ рукъ и свободныхъ денежныхъ капиталовъ, несовершенства въ путяхъ сообщенія и мелководье Дона задерживаетъ уголь на мѣстѣ. Все это было виною слабаго развитія каменноугольной промышленности. Случалось, что грушевской антрацитъ по долгу лежалъ около шахтъ по недостатку сбыта. Тогда разрѣшили казакамъ на ихъ войсковыя деньги построить грушевскую желѣзную дорогу, которая теперь вошла въ общую цѣпь русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Между разработкой каменнаго угля находится тѣсная связь съ разработкой желѣзныхъ рудъ.

Съ успѣхами въ каменно-угольной промышленности въ одной мѣстности и разработками желѣзной руды въ другой, тотчасъ является необходимость ихъ соединить желѣзными дорогами. А для желѣзныхъ дорогъ необходимы различныя механическія и техническія заведенія. Такимъ образомъ

страна покрывается линіями желѣзныхъ дорогъ, заводовъ и фабрикъ. Развитіе промышленности привлекаетъ пропасть рабочихъ. Люди, общество, а за ними и государство становятся богаты, сильны, грозны.

Такъ какъ въ южномъ краѣ Россіи открыто огромное минеральное богатство, то остается имъ воспользоваться, чтобы берега Азовскаго и Чернаго морей покрылись заво-

дами, фабриками и промышленными городами, которые легко могут соединиться съ центральной и сѣверной Россіей. Съ успѣхами каменноугольной промышленности разовьется пароходство по Волгѣ и Дону, это удешевить расходы желѣзныхъ дорогъ и заводовъ и сохранить остатки лѣсовъ по упомянутымъ рѣкамъ.

Въ настоящее время видно, что въ Россіи знакомство съ ея минеральнымъ богатствомъ и развитіемъ горныхъ промысловъ становится одной изъ главныхъ заботъ учащагося юношества, и что отечеству нашему необходимы люди, которые спеціальнымъ изученіемъ различныхъ знаній и примѣненіемъ умственного капитала къ произведеніямъ страны проложили бы новый путь къ силѣ, значенію и благоденствію нашей родины.

Д. С...ъ.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 марта 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.